

2 · $\frac{02 - 48}{561 - 2}$

ский государственный университет

Российский государственный педагогический университет

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Северо-Западная академия государственной службы

УПРАВЛЕНИЕ:

ИНТЕЛЛЕКТ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖВУЗОВСКОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Санкт-Петербург

Издательство СПбГПУ

2002

бессубъектных структур, властно задающих ритм жизни технизированного социума. Особый интерес представляет круг идей Ж.Лакана. В них симптоматика поглощения субъекта силовыми полями мертвящей плазмы обретает ясность медицинской теории. Вырождение современного человека объясняется тем, что субъект перечёркнут собственным травматическим ядром. Действительно, ряд агрессивных сект успешно использует технику управления сознанием, основанную на обнаружении последствий психических травм и их реанимации. Ж.Лакан утверждает, что такая "рана" выступает в качестве своеобразного внутреннего объекта; иначе говоря, её воздействие закономерно и исчислимо. Этот тезис, понятый фаталистически, может усилить оцепенение и санкционировать непротивление очевидному злу; однако в персоналистической интерпретации он лишь подтверждает мысль Левицкого о том, что движение по пути свободы есть тяжёлая задача. Оно требует добродетельного мужества, поскольку "осуществление своих неповторимых возможностей, отягощённое ответственностью"¹⁶⁴ есть не что иное, как восходящая линия субъективности, подавляемой сочетанием необходимостей.

В.П.Горюнов,

*доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета*

Нормативность человеческого действия: управление в контексте техносоциальной формулы

Главный закон материально-технического развития общества выражает соотносительность человеческих ресурсов (как массы расходуемой жизни), затрачиваемых на осуществление производства и получаемых в его результате в качестве воспроизводимой массы жизни. В зависимости от оценки данного соотношения мы имеем ту или иную формулу производства, в соответствии с которой строится вся модель общества. В рамках абсолютистского понимания общественного прогресса предполагается, что производимые обществом ресурсы жизни превышают массу затрачиваемых ресурсов необходимой деятельности (формула имеет вид неравенства "труд < результат"), за счет чего в обществе наблюдается исторический рост трех главных показателей его прогрессивного развития: численность народонаселения, уровень производства

и потребления, количество свободного времени. Источник роста очевиден — это расширяющееся использование готовых, "бесплатных" сил и веществ природы. В пределах данной абсолютистско-прогрессивистской концепции развития общества изначально признается только один безответный вопрос — о естественных абсолютных границах человеческого существования, будь то на уровне фундаментальных закономерностей мироздания или в масштабах экологической предельности жизни на Земле.

В современных условиях достижения обществом планетарного рубежа материально-технического развития в недрах политики и идеологии вполне логично рождается призыв к сознательной стагнации материального производства, сокращению численности народонаселения и переключению общественного прогресса на сугубо духовные показатели, якобы единственно не имеющие объективных ограничений. Проще говоря, предлагается формулу производства преобразовать из неравенства в уравнение. Однако и в этом случае построить на основе абсолютистского подхода удовлетворяющую современным критериям научности целостную социально-теоретическую модель общества не представляется возможным.

В качестве потребляющей системы в границах одного и того же типа материально-технического развития общество принципиально не отличается от любой другой органической системы в том плане, что извлекает из окружающей природной среды вполне определенные ресурсы, конкретные вещества и в силу их исчерпаемости всегда ограничено в своем росте. На каждой очередной ступени производственно-природного равновесия, соответствующей историческому типу материально-технического развития, имеется абсолютный предел роста, не преодолев который, общество не только не поднимется на более высокий уровень, но не сможет удержаться и на существующем, поскольку потребляет ресурсы сверх суммы их фиксированных запасов и естественного воспроизводства. Следовательно, однажды вырвавшись за пределы естественноприродного равновесия, общество обрекло себя на вечную смену технологических ступеней, не будучи в состоянии окончательно закрепиться на какой-либо из них, поскольку безвозвратно истощает невозобновляемые ресурсы и превышает уровень восстановления возобновляемых ресурсов. На каждом этапе материально-технического развития оно необходимо достигает предельного уровня производства и, чтобы не погибнуть, вынуждено переключаться на использование качественно новой

¹⁶⁴ Там же, стр.216

ресурсной базы. В целом материально-техническое развитие общества предстает перед нами как поступательный необратимый процесс, при этом каждый новый производственно-технологический переход осуществляется ценой все более возрастающих дополнительных затрат. В частности, для преодоления нынешней экологической ситуации, т.е. для перехода на очередной уровень производственно-природного равновесия, нужно только одно — дополнительные ресурсы. Но их объем так велик, что дальнейшее существование общества становится все более неопределенным, чем когда бы то ни было. Если до сих пор линия его развития целиком вписывалась в линию развития биосферы в ее прошлом и настоящем существовании и, благодаря этой предметной преемственности, была устойчивой, то теперь предметная преемственность развития общества сузилась до пока еще не ставшего существенно значимым перечня форм неорганической материи, с использованием которых можно было бы достаточно определенно связывать его дальнейшее существование вне зависимости от ограничений условиями Земли.

Таким образом, действительная техносоциальная формула общества имеет вид неравенства с противоположным знаком по сравнению с вышеприведенной формулой абсолютного прогресса, а именно: совокупная масса человеческих ресурсов, непосредственно и опосредованно расходуемых на осуществление процесса производства, в конечном счете растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнительном варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Иначе говоря, материально-техническое развитие, позволяя на основе научно-технического прогресса осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, ни при каких обстоятельствах не может устранить указанное выше неравенство, “преодолеть” данную техносоциальную формулу. То есть общество не в состоянии догнать самого себя в непрекращающейся гонке производимых и необходимых ресурсов жизни.

Отличие человеческого существования от животного, в конечном счете, сводится к выживанию за пределами естественно-природного равновесия, благодаря способности человека находить дополнительные ресурсы в

окружающей природной среде. Но главным таким ресурсом, изначально обязательным и исторически-всеобщим, явился человеческий труд, но не самого человека, а другого человека, т.е. чужой человеческий труд, созданная самой природой готовая рабочая сила. И только при наличии такой (чужой) рабочей силы оказалось возможным использовать другие предметы и процессы природы. Образно говоря, для того, чтобы “поймать” силы природы и заставить их “работать”, человек должен был сначала поймать другого человека и заставить его трудиться. Следовательно, стержневую основу так называемого технического прогресса, понимаемого как прогресс в подчинении природы человеку, составляет прогресс в подчинении человека человеку. А поскольку “оба” человека — разумные существа, то это стремление превратить другого в свое средство сугубо взаимно, а потому и технический прогресс в этом плане двусторонен, симметричен, что наглядно выражается в непреходящем соревновании снаряда и брони, замка и отмычки и т.п.

Таким образом, бытие техники в качестве второй природы есть всего лишь субстратное выражение ее сущности. Главное в технике ее функциональность: техника не только средство материально-предметной деятельности, она есть средство превращения одного человека в средство другого человека. Без этого технический способ жизни просто неосуществим. Следовательно, призыв жить в согласии с природой означает призыв вернуться в природу, отказаться от человеческого способа жизни, смысл которого состоит не в применении ножа и вилки, а в выживании в природной среде за пределами ее ресурсов на основе фундаментального социального отношения “цель — средство”.

Рост общественного богатства оказывается изначально возможным за счет того, что рабочая сила является таким же готовым продуктом, как и сила природы. Человек производящий — это всего лишь материальный носитель, субстрат рабочей силы, объект организационно-производственной деятельности, вынесенный за скобки человеческого бытия, находящийся вне сферы собственно человеческого существования. Исторические формы рабочей силы развиваются от простейшей организации подневольного рабского труда в древности до информационно-технологического колониализма в современном глобальном мире, когда за счет резкого перепада уровней материально-технического развития производственное функционирование одних общностей подчинено существованию других общностей. Само производство, как

общественный процесс, начиная с организации древних мастерских и кончая глобализацией мировой экономики, имеет в своей основе насильственное, а не договорное организационное начало по поводу разделения труда.

Итак, социальное отношение "цель — средство" превращает просто живое существо в человека и определяет все коллизии человеческого существования с точки зрения его социального бытия. Это отношение обуславливает принципиальную незавершенность человеческой истории и ненасыщаемость сферы материально-предметного бытия человека. Не имеющий логического предела самовозбуждающийся процесс материально-технического развития происходит как гонка, борьба за выживание и одновременно как всеобщее стремление к преодолению техносциальной формулы общества, подобное вечному стремлению к реализации принципа вечного двигателя.

Существование животного (например, движение стада к кормушкам) определяется инстинктами, условными и безусловными рефлексами. Интеллекта в данном случае нет.

Жизнь дикаря регулируется тем же самым плюс некие социальные стереотипы побудительного и запретительного характера. Регуляция поведения здесь становится частично опосредованной, нормативы передаются через воспитание, но они сугубо однозначны и по силе действия сравнимы с естественными регуляторами. В данном случае интеллект еще зачаточен, а субъективность коллективна, личности еще нет.

Цивилизованный человек обладает интеллектом, его поведение регулируется нормативностью, вырабатываемой, обговариваемой, обеспечивающей опосредованность, произвольность поведения. В этом, прежде всего, и выражается субъективность. Образуется треугольник: интеллект, цели, нормативы, — вот содержание человека.

Если убрать нормативность и оставить только цели и интеллект, то получится буквально война всех против всех при отсутствии какой бы то ни было организации, в абсолютном хаосе. Существование человека в таком случае оказывается невозможным. При отсутствии организующей силы (таковой является власть, опирающаяся на идею как стержень всей нормативности, основание для принуждения) остаются только люди, обладающие интеллектом и абсолютной свободой воли и действия по отношению друг к другу и к природе в рамках своих возможностей, т.е.

потенции выживания. Исходя из этого, следует оценивать централизм и либерализм, диктатуру и демократию, понимать — что есть что.

Разумеется, люди всегда обременены некоторыми стереотипами нормативов, потому что всегда находятся в конкретно-исторической системе отношений, не бывают социально пусты. Они не свободны от общества, но свободны в понимании его устройства в соответствии с идеологическими установками, социальными мифами (сейчас их формируют СМИ) и объективными интересами.

Если убрать цели, а оставить нормативы и интеллект, то социальное движение остановится. Если убрать интеллект, то не будет ни целей, ни нормативов.

Итак, в общественной жизни человека есть цели и нормы. Интеллект — это условие нахождения средств жизни в рамках общественных нормативов и индивидуальных возможностей. Соответственно, общество, как бы это ни казалось унижающим человека, есть совместно функционирующие организмы, наделенные интеллектом (разумом) и субъективностью, т.е. осознанностью своих индивидуальных интересов и переживанием по поводу их реализации во взаимодействии с другими индивидами.

Сознание есть социальное образование, представляющее собой модель материального мира. За счет идеальности такой модели имеется возможность поиска, выбора наиболее эффективных способов материально-предметного действия в объективной реальности. Однако в данной идеальной модели бытия не хватает места всем субъектам социальной жизни, что делает объективно неразрешимой задачу всеобщего обустройства. И это моделирование социального бытия, так или иначе, оказывается моделированием борьбы за место в жизненном (социальном) пространстве.

При наличии у живых существ одного только интеллекта сложится абсолютно атомарная совокупность индивидов, не обладающих какой-либо субъективностью. Последняя необходимо обусловлена ансамблевостью, групповым характером выживания как борьбы за место в социальном пространстве, а следовательно, порождается и сопровождается нормативностью общественной жизни. Субъективность обязательно предполагает идентификацию индивидов, которой никак не может быть в абсолютно атомарной структуре — идентификация осуществляется только в общности: при наличии отношений "мы" и "они", без чего не будет отношений ни "я" и ни

“ты”. Иначе говоря, наделенное интеллектом существо, лишенное переживания отношений “мы” и “они”, а рассматриваемое как некое абсолютно единичное “я”, не может идентифицироваться и состояться как “я”, ибо последнее есть результат отношений или даже само является отношением. Субъект есть носитель, средоточие нормативности, которая принципиально невыразима в формах рациональности, ибо само человеческое существование не задано снизу (от природы) и не предзадано сверху (от Бога).

В соответствии с техносоциальной формулой в обществе нет ни истины, ни добра, ни красоты, а также ни противоположных им лжи, зла и уродства, то есть в обществе нет ничего, кроме совместно живущих и в борьбе друг с другом выживающих людей. Интеллект, разум есть всего лишь средство их выживания, порождающее в ходе борьбы миф о некой сущности разума как такового, разума самого по себе, будь то объективно существующий абсолют или некий экзистенциал субъективной реальности.

Нормативность не разделяется ни на внутреннюю, присущую самому человеку, не зависящую от социальности (досоциальную), ни на внешнюю, надсоциальную. Любое общественное действие индивида, в конечном счете, социально опосредовано и детерминировано, будь то соблюдение или нарушение правил перехода улицы при отсутствии транспорта, оплата или неоплата чего-либо при отсутствии контроля, наконец, самопожертвование или предательство без какого-либо свидетельства. Нормы регулируют отношения между совместно живущими индивидами, разделяющимися на «своих» и «чужих». В «своих» продолжается сам человек, здесь не требуется внешних нормативов, однако сам состав «своих» определяется конкретно-исторически.

Индивидуальные способы жизни различаются по схеме: стремление к достижению истины и победе правды (справедливости) безотносительно к результату или стремление к получению результата безотносительно к истине и правде. По формуле они не совпадают принципиально, поскольку истины как таковой (абстрактно-всеобщей, то есть как идеи) просто не существует, а правда (справедливость) невозможна или просто отсутствует при абстрактно-всеобщем наполнении. По этой схеме различаются как индивиды, так и общности. Люди-средства выступают за истину и правду, люди-цели выступают за результат.

В абсолютистской социально-теоретической модели общества правовая и нравственная нормативность человеческого поведения обосновывается тем, что

допускается возможность абсолютного выживания каждого индивида при относительных различиях способов самого проживания в соответствии с индивидуальными различиями людей по способностям или просто по стечению обстоятельств. Следовательно, в абсолютистской модели общества отсутствует объективная основа нарушения социальной нормативности, прежде всего — правовой. Имеющаяся в этой модели система права целостна и непротиворечива, в соответствии с чем преступление рассматривается в буквальном смысле, т.е. как абсолютно антиобщественное действие (умышленное или неумышленное, рациональное или иррациональное), как проявление социальной патологии, девиации, независимо от породивших ее причин.

Правовая нормативность имеет объективные основания в релятивистской модели общества и вытекает из самой техносоциальной формулы общества, по которой ему объективно присуща социальная дифференциация в качестве фундаментального общественного отношения. Социальная дифференциация не ограничивается различиями в способах проживания, а выражается в различиях по возможностям выживания как такового. Иначе говоря, когда одна жизнь необходимо базируется на разрушении другой, преступление имеет объективные основания и является нормальным фактом социального бытия, с какой бы стороны его, преступление, ни рассматривали, будь то преступление против установленного закона или признание преступным самого закона. В релятивистской модели само выживание может рассматриваться как преступление, но, в отличие от абсолютистской модели, не поддающееся ценностному измерению. В релятивистской модели оно рационально, а в абсолютистской — иррационально.

Таким образом, существование права обусловлено наличием социальной дифференциации общества. Вне социальной дифференциации, то есть в рамках естественной дифференциации, отношения между людьми регулируются естественным путем. Процесс социальной дифференциации регулируется правом и оценивается по нормам морали, хотя социальная дифференциация, как таковая, не поддается ни морально-ценностному, ни рационально-правовому определению, — сама по себе она не может быть ни справедливой или несправедливой, ни законной или незаконной. При этом законность и справедливость не совпадают.

Отношения между свободными людьми в условиях социальной дифференциации устанавливаются на договорной основе. Общественные отношения, как отношения между свободными людьми, представляют собой отношения взаимных обязательств. В рамках социальной дифференциации они осуществляются на договорной основе между индивидами, корпорациями, государствами. Сами договоры могут быть либо непосредственными, либо опосредованными, коими являются законы, то есть не требующими специального оформления в каждом конкретном случае. Основная проблема договора — достижение полноты его нормативного охвата и недопущение разночтения. Эта проблема обусловлена тем, что интересы договаривающихся сторон противоположны в том смысле, что объективно каждая из них заинтересована в выполнении условий договора другой стороной, но не заинтересована в выполнении своих собственных обязательств. Поэтому главный фактор действительности договора — наличие вышестоящей третьей стороны, равноотстоящей от договаривающихся сторон и обладающей возможностью силового воздействия.

Правильность, справедливость, правосудие, — все это однокоренные слова, означающие истинность поведения людей в отношениях друг с другом. Но суть вопроса в том, что отношения не могут быть истинными или ложными сами по себе. Здесь нет абсолютной в рамках объективности истины. Она объективна, поскольку ее критерий — обеспечение выживания, — но одновременно всегда относительна, поскольку ее критерий — не вообще, а конкретно чье-то выживание. На каждом уровне субъекта выживания (от индивида до человечества) — своя истинность отношений.

Закон есть всего лишь установленная людьми (либо путем соглашения, либо путем насилия) норма поведения. В законности нет ни объективной истинности, ни высшей справедливости, — в следовании законности есть только следование к соответствию. Иначе говоря, суд не устанавливает истину и не восстанавливает справедливость, он соотносит с законом представление в деле (бумагах) тех или иных событий, но не самих событий, когда, например, тот или иной документ, не приобщенный к делу (бумагам), не имеет юридической силы, хотя бы в нем и содержалась главная информация. Отсюда, наверное, и буквальное, а не образное выражение: "это не имеет к данному делу никакого отношения".

В состязательности судебного процесса устанавливается не истина, а степень соответствия закону рассматриваемых в суде действий. Одна сторона, обвинение, доказывает их несоответствие и определяет степень этого несоответствия. Другая сторона, защита, опровергает доводы обвинения и обосновывает либо соответствие действий закону, либо уменьшение степени несоответствия.

Поскольку закон не воплощает в себе ни объективную истинность, ни высшую справедливость, постольку борьба по поводу законности, в конечном счете, представляет собой борьбу интересов, где закон является лишь средством и средой этой борьбы. В таком случае даже борьба полицейского и преступника есть частный случай такой борьбы, в которой у каждого свои интересы: у преступника — не попасться, у полицейского — поймать. В противном случае тот и другой не смогут получить средства на свое существование в данном социальном качестве. Отсюда следует категорический вывод о том, что закон необходимо должен опираться на некий абсолют, прежде всего — мораль. Но мораль есть миф, хотя без него в регулировании общественной жизни не обойтись.

Право не может быть правильным или неправильным (а законы — ложными или истинными). Право может быть действенным или недейственным, обеспечивающим или не обеспечивающим власть. Право выражает конкретный интерес, поэтому борьба идет не за истинное право, а за власть, обеспечивающую реализацию определенных интересов. Дискуссии по поводу законодательства есть выражение борьбы. На индивидуальном уровне это выглядит так: юрист (адвокат) обслуживает не закон, а клиента, он должен обеспечить даже не торжество закона, а цели, потребности клиента.

Вообще получается: закон для индивидов — это только арена борьбы, условия борьбы, правила борьбы. Но и у общности в целом есть свой интерес, он выражается лидерами общности. Потому власть должна быть легитимной. Интерес общности — ее собственное выживание и благополучие. Применительно к общности система права это система целесообразности выживания общности как субъекта социального взаимодействия. В отношениях между индивидами с точки зрения целесообразности право выступает как законность, а с точки зрения абстрактно-всеобщей человечности — как справедливость. Обеспечение их тождества невозможно. Поэтому законность,

целесообразность, справедливость никогда не совпадают друг с другом, находятся в состоянии противоречия.

Итак, закон, как регулятор отношений между людьми, сугубо относителен. Для его установления и исполнения в качестве объективного норматива необходим контроль вышестоящей силы, то есть должны быть люди, ориентированные на объективную истину и справедливость, законность как таковую, абсолютную. Но в реальной действительности нет ни абсолютной законности, ни людей, на нее ориентированных. Такое возможно лишь в случае совпадения интересов этих людей и содержания законности.

Человечество есть совокупность людей на Земле, полностью предоставленных самим себе. Здесь уместна аналогия с поселением группы людей на острове при полном отрыве их от общества. Никаких высших сил, регулирующих их отношения, нет, и человек может рассчитывать только на себя, людей некому рассудить и некому защитить. Но и введение закона не меняет сути дела, так как он будет всего лишь дополнительным фактором внешней среды. Тогда складывается следующая модель: на одной стороне среда с ее природными и социальными законами, на другой — люди, не связанные никакими обязательствами, не подвластные никакой высшей законности, обладающие разумом и свободой воли (в частности, свободой в выборе средств удовлетворения своих потребностей).

Нормативная сила закона действует в общности только при наличии других общностей, — именно внешнее отношение консолидирует общность. Но даже от внешнего нападения у общности нет абсолютно надежной защиты, ибо и военные люди не абсолютны в исполнении своих обязанностей.

Действенность правовой и политической систем — коренной вопрос существования общности, ибо борьба за выживание осуществляется только как групповая, межобщностная борьба. Поэтому чем лучше организована общность, тем она сильнее и живучее.

Каждый человек имеет право на все, что связано с его жизнью: например, открыть окно и дышать свежим, прохладным воздухом, как, впрочем, и другой человек имеет право закрыть окно, потому что ему холодно. Если это одно и то же окно, налицо одно из общественных противоречий, которые в своей всеобщности сводятся к действию формулы и выражаются в итоговом противоречии: каждый имеет право на жизнь, но на всех жизненного ресурса не хватит, в жизненном пространстве все не поместится, кто-то оказывается

лишний, потому что людям требуется большее жизненное пространство, чем то, которое они могут создать. Есть совокупная масса жизни, с одной стороны, и совокупная заявка на жизнь — с другой; масса заявленной жизни превышает массу предоставленной. То есть всегда нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Следовательно, провозглашенное право на жизнь означает не что иное, как право на борьбу с другой жизнью и потому лишается самого статуса права.

Общественным нормативам придается сакральный характер, их изменение сопровождающееся обличением старых и провозглашением новых, истинно сакральных норм, в тенденции образует стремление к полному разоблачению социальной условности всяких норм, к всеобщей секуляризации, а, в конечном счете, к полному исчезновению тайны человека. Вся жизнь становится публичной, а ее мотивация понятной. На мнимой понятности, не опирающейся на понимание техносоциальной формулы, базируются нигилизм и цинизм, не способные адекватно сформулировать тезис о том, что цель борьбы (а деятельность есть борьба) сводится к выживанию, но само по себе выживание бессмысленно и бесцельно.

Сущность секуляризации общественного сознания наиболее полно выражается в рационализации нормативности, которая, в свою очередь, воплощается в интеллектуализации субъективности. Однако в ходе социальной борьбы рождаются новые мифы, религиозные и светские, сакрализуются новые сферы общественной жизни, возникают новые основания субъективности. Бог никогда не умирает, но, вместе с тем, умирает постоянно и возрождается заново.

Цинизм есть вызов условности и вообще нормативности, вызов, но не протест. В частности, можно не отрицать Бога (высшее выражение нормативности), но бросить ему вызов. Следовательно, цинизм — это вызов от безысходности, от отчаяния, а не от рационального осознания бытия. В цинизме есть отражение техносоциальной формулы, но нет ее понимания. Цинизм, как вызов нормативности, остается в абсолютистской модели общественного бытия. Вообще нормативность в абсолютистской и релятивистской моделях качественно различна, как, например, различен порядок на плывущем и тонущем корабле, порядок среди смертных и бессмертных людей.

Осознание формулы делает цинизм нормальным, рационально обоснованным. Цинизм отвергает условность, отвергает игру. Он позволяет человеку свободно выражать свои стремления, не прибегая к их маскировке игрой, условностью. А можно ли перевести всю общественную жизнь на принципы цинизма, т.е. полностью преодолеть условность? Однако условность не есть договор, скорее не условность определяет поведение (поступки) людей, а мифологичность. Мифологичность — это, ведь, тоже условность, но не осознанная явно, не обговоренная.

Человеческий разум направлен на познание природы (чтобы делать технику, добывать средства жизни и просто понять тот мир, в котором он живет) и общества (чтобы встраиваться в него). Одновременно человек хочет понять самого себя: свое происхождение, предназначение, свою судьбу, смысл и цели собственного существования, данное устройство общества и отношение к другим людям, проблему долга вообще. Это указывает на двойственность человеческого познания: с одной стороны решаются практические, утилитарные задачи по обеспечению выживания; с другой — самопознание, рефлексия. Вторая сторона сознания возвышает человека, его дух и вызывает наивысшее напряжение. Однако она сугубо вторична, производна и утилитарна в подчиненности первой стороне. В конечном счете, от разума требуется только поиск средств выживания, непосредственный и опосредованный. В этом состоит драматизм человеческого существования. Человек хочет найти оправдание своей жизни, которая реально сводится к борьбе за выживание, человек как бы стыдится сам себя и оправдывается перед собой, что находит свое выражение в творчестве выдающихся гуманистов. XIX век представлен в критической литературе разоблачением естественности человека, показом его дурной природы, слабости, подлости и прочего. XX век характеризуется стремлением к разоблачению человека социального, функционального, к разоблачению самой общественной жизни (начальника, чиновника, мужа, жены и прочие социальные роли). Но человека бессмысленно разоблачать или жалеть, его можно только объяснить.

Сущность человека заключается в его духовности, главным содержанием которой является переживание действия техносоциальной формулы, непреодолимого социального отношения “цель — средство”. Вся духовность (экзистенциальность) человека направлена на выживание. Здесь есть выход в трансцендентное, бесконечность, но это побочный продукт. Всякого рода идеи

о вечном и бесконечном производятся для реального потребления, в конечном счете, — на продажу. Направленность мысли на вечность и бесконечность предполагает мучительное напряжение, всегда связанное с конкретным существованием. От скуки и безделья в бесконечность не выходят.

Интеллект воплощает в себе рациональность. Он не в состоянии показать (схватить) определенность бытия, которое всегда оказывается относительным, растворяется в относительности и ускользает от понимания. То есть существование человека не поддается рациональному объяснению (ни вообще — как рода, ни в частности — как индивида). Существование человека характеризуется субъективностью, в пределах которой каждый сам определяет цели и смысл своей жизни. Иначе говоря, субъективность придает бытию определенность, очерчивает его границы и выделяет из бесконечной всеобщности. Рациональность не дает результата в определении всеобщих целей и смысла, здесь она бессильна и необходимо сменяется переживанием. Но в поиске средств выживания рациональность действительна, и чем меньше она связана с переживанием (нормативностью), тем более результативна.

Хотя интеллект есть средство выживания организмов и не более, он, тем не менее, универсален в том плане, что выходит за рамки функционирования в качестве средства. Интеллект рефлексировывает, пытается ответить на вопрос о смысле собственного существования, как бы обретая тем самым самостоятельность существования (и как всеобщий интеллект мировой разум, и как “я”). Но это подобно тому: как если бы определить сущность того, почему небо голубое, тигр полосатый и тому подобного вне простого естественного объяснения этих феноменов.

В принципе можно согласиться с провозглашением 21 века веком гуманитарных наук и вообще веком гуманизации всей общественной жизни. Однако надо уточнить содержание этой гуманитарности. Одно дело — ее понимание в плоскости мифологических иллюзий, утопического гуманизма. И совсем другое — осознание действия техносоциальной формулы, условности любых нормативов, то есть признание правоты Ницше с той лишь оговоркой, что он не знал техносоциальной формулы.

Так называемый антропологический поворот в философии и общественном сознании в целом означает переход от абсолютистско-прогрессивистской ориентации на науку и технику к ориентации на поиск путей гармонизации общественной жизни. Речь не идет о разочаровании в

науке и технике, они признаются главными и всемогущими средствами выживания человека. Наука и техника могут все, для них нет ничего невозможного в сфере материально-предметного бытия, но, как оказалось, обеспечить всеобщее благополучие, понимаемое как всеобщее выживание (полное проживание жизни каждым человеком), так же невозможно, как создать вечный двигатель, независимо от уровня материально-технического развития. Поэтому процесс гуманитаризации сознания не освобождает его от мифологизации, от иллюзий достижения всеобщего блага, преодоления действия техносциальной формулы и устранения социальной дифференциации уже не на основе научно-технического прогресса, а путем гармонизации социального бытия.

Поиск универсального закона бытия означает стремление к всеобщей гармонии, к достижению полной согласованности его элементов. Этот поиск мирового порядка есть поиск выхода из перманентного кризиса, выражающегося в несогласованности, разорванности бытия человека. Однако перспектив для нахождения единого закона природы, а тем более общественного (социального) и индивидуального (экзистенциального) не просматривается. Точки отсчета и ориентиры человеческого бытия не определяются, отсутствует понятный, рационально формулируемый общественный закон. Казалось бы, его открытие все расставит на должные места, и люди смогут обустроить свою жизнь в соответствии с этим законом. Но вся история человеческой мысли свидетельствует лишь о неминувости крушения любых идеальных моделей бытия.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
<i>Тихонов А.В.</i>	
К проблеме методологических уровней анализа управления	3
<i>Смирнов Е.А.</i>	
Руководитель как форма обнаружения субъективности	7
<i>Пигров К.С.</i>	
Инновации в контексте аналитики субъективности (аспект негативного)	13
<i>Шипунова О.Д.</i>	
Интеллект и субъективность в социальной динамике	18
<i>Зимбули А.Е.</i>	
Субъективность интеллекта: нравственно-ценностный ракурс	28
<i>Тульчинский Г.Л.</i>	
Интеллектуальная персонология в управлении (четыре эссе)	33
<i>Два модуса управления</i>	33
<i>Сингапур: персонифицированный менеджмент успешного проекта наций</i>	39
<i>Бэконовско-миллевская индукция, или Лысое англофильство в российской политической истории XX века</i>	40
<i>Бизнес-образование: профанация, просветительство или профессионализм?</i>	43
<i>Князева Е.Н.</i>	
Доля хаоса и доля управления: место человека в универсальном процессе коэволюции	46
<i>Гелих О.Я.</i>	
Космос и таксис социальной организации	51
<i>Бахтин М.В.</i>	
Метод вариативного моделирования в стратегическом управлении	55
<i>Алпатов Г.Е., Паикус В.Ю.</i>	
Реинжиниринг бизнес-процессов: инновационный тип мышления	58
<i>Щербаков В.П.</i>	
Археология субъекта: по ту сторону принципа пользы	61

Машенцев А.В.	
Процедура интеллектуальных действий: управление и понимание	66
Бусов С.В.	
Воля к порядку: объективные и субъективные источники.	70
Токмаков А.Н.	
Отчуждение в процессе управления	74
Протасенко И.Н.	
Манипуляция сознанием в социальном управлении:	
феномен бонапартизма	83
Панфилова А.П.	
Моделирование интеллектуальной деятельности в деловых играх	93
Кравцов А.О.	
Педагогическая герменевтика и проектирование	
воспитательной системы школы	97
Белоус А.Б.	
Управляемость фирмой в условиях нестабильности: фактор образования	102
Гелих О.Я., Султанов К.В.	
Деструкция социального и социальное управление	108
Мурейко Л.В.	
Бессубъектный субъект: массы	117
Козырев Д.Н.	
Онтология субъективности и философия свободы	126
Горюнов В.П.	
Нормативность человеческого действия: управление в контексте	
техносоциальной формулы	130

Управление: интеллект и субъективность

Материалы межвузовского научного семинара

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, т.2;
95 3004 – научная и производственная литература

Подписано в печать 04.07.2002.

Формат 60×84/16.

Печать офсетная. Усл.печ.л. 9,25 Уч.-изд.л. 9,25

Тираж 100 экз.

Заказ 533

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного составителями,
в типографии Издательства СПбГПУ.
195251, Санкт-Петербург,
Политехническая, 29